

Ленинград
театр муз. комедии
Здание

И МЕРИДИАН»

27 мая 1989 г.

Соб. Культура

ТЕАТР ДЛЯ СЕБЯ?

Здание, полстолетия арендуемое театром музыкальной комедии, чрезвычайно показательно для истории петербургской архитектуры. Разные ее периоды оставили свои приметы в облике этой многослойной, первоначально жилой постройки. Но каждая эпоха, добавляя нечто от себя, бережно хранила оставшееся от предыдущей. Парадная, репрезентативная часть театра — бывший особняк И. Лазарева, перестроенный из более раннего здания в 1840-е годы по проекту швейцарца Бернарда Симона, работавшего тогда в русской столице. Следующий пласт — рубеж веков — «отложился локальными переделками старого дома для нового владельца — великого князя Николая Николаевича. Работы, проводившиеся по проекту и под авторским наблюдением крупного петербургского архитектора А. С. Хренова, почти не коснувшиеся конструктивной стороны, сводились к частичной технической модернизации и некоторым дополнениям художественной отделки. И, наконец, последние правдолюбившие владельцы — реставраторское кооперативное товарищество — устраивают здесь театральные залы. В 1910 году на Михайловской площади открывается Театр-палас — прашур нынешнего. Пощадя отделку особняка, специальные залы размещают в специально построенном по проекту гражданского инженера И. Балбашевского и инженера Я. Максимова дворцовом флигеле. Соединенный с бывшим особняком, флигель амстели два зала — верхний и нижний, — отделанные в стиле ретроспективной неоклассики. Большой верхний зал первоначально насчитывал 450 мест; нижний, служивший театром-кабаре, — 100.

Сейчас уже никто не может определенно сказать, кому первому пришло в голову уничтожения старых зал Театра музыкальной комедии. Сотрудники НИИ кивают на работников театра, которые-де очень их о том просили, работники театра жалуются на неудобство сценической коробки, — тут спору нет, но какое отношение к этому имеет приносимое в жертву историческое убранство?

В 1979 году ленинградское ГлазАПУ выдает институту «Гипротейтр» архитектурно-проектное задание — разработать проект, обеспечивающий модернизацию сценической коробки и увеличение числа мест Большого зала до тысячи и более. Однако выгодное проектантам развитие действия омрачила первая интрига: в том же году Госинспекция по охране памятников (ГИОП) поставила здание на учет. Но пока сотрудники ГИОП разрабатывали программу реставрации театральных интерьеров, проектанты (гл. архитектор проекта Г. Глобина) готовили очередную «подарок» зрителям Ленинграда — еще один убогий зал в «бодром» стиле конца шестидесятых годов, не сделавший бы чести самой отдаленной периферии. Никаким специалистом быть не нужно, чтобы представлять, что желаемую тысячу мест никак не «вбьют» в существующий объем зала, не изменив его, нарушив тем самым одно из положений Закона об охране и использовании памятников. Однако, если при уничтожении междуэтажного перекрытия и балкона Большого зала все убераство «летит», то надо бы сочинить нечто «под старину»...

Полагаю, лет через пятьдесят нынешний стиль «ретро» обязательно станет темой специального исследования: история архитектуры фиксирует не только взлеты этого искусства, но и его курьезы. Но сейчас, когда тенденции этого «курьеза» становятся все более опасными как для развития современной архитектуры, так и для «выживания» исторической (ибо созданием претенциозных фальшивок то и дело сопровождаются уничтожение подлинного), трудно встать на позиции научного беспристрастия. Частно ни о каком следовании хотя бы традиционным пропорциям и речи нет: к новым формам «приклеиваются» полуграмотные «цитаты» из одного или нескольких стилей. Как правило, в интерьерах стиля «ретро» плохо скопированные «сбры-

ки» традиционных декоративных систем уснащают плоскости и объемы самой сомнительной пластической проработки. Холодные, ребристые поверхностями, утыканные мисурными историческими фрагментами, дюралевые фантазии на тему золоченой бронзы, дурной вкус, неуклюжее замаскированный под «нашу ленинградскую скромность», ставшую притчею во языцех; какой-то дряблый сентиментализм, воплощенный в варварским размахом, — словом, все характерные признаки репрезентативного интерьера в стиле «ретро» увидели мы и на сей раз.

Так стоит ли удивляться негативным отзывам специалистов на градостроительном совете, весьма недвусмысленно обвинивших авторский коллектив в профессиональной неграмотности. Именно о ней говорили архитектор Ж. Вержбицкий и историк архитектуры Ю. Денисов. Они же, кстати, предложили пресекторщикам альтернативные пути увеличения числа зрительских мест.

Вообще градостроительный совет — он состоялся 9 декабря 1988 года — прошел на редкость оживленно, и скоро стало ясно: проект не примут.

И не приняли.

Однако РСУ-25 управления капитального строительства уже «поселилось» в опустевшем театре. Здесь бы в пору и «поискать занавес», ибо, по логике, выходит, что сегодня никто и ничто не может угрожать

зданию театра: Госинспекция публично отказалась согласовывать проект, общественность категорически протестует, а Министерство культуры РСФСР ни о каком согласовании и речи не ведет. И все же тревога вполне оправдана: логика логикой, а инерция — штука живучая. А потом поди найди, кто виноват! АПУ, согласовавшее в 1983 г. проект, нарушающий закон, или РСУ-25, занявшее здание театра до окончательного согласования! Простят и им, простили же «Гипротейтру»!

Оно, конечно, так, жаль и людей, и денег, но, откровенно говоря, мне (и знаю, что не одному мне) еще более было бы жаль уничтожаемого по проекту НИИ «Гипротейтра» Малого зала — так называемого Птипаласа, где в былые времена выступал театр джаз Леонида Утесова. Было бы жаль изуродованного до полной неузнаваемости Большого зала единственного ленинградского театра, почти без перерыва проработавшего всю блокаду... Быть может, неумение грамотно проектировать — не вина архитекторов «Гипротейтра», а их беда, но преступно из этой частной беды делать беду общественную: театр-то существует не для проектировщиков! И даже не для труппы...

А ежели у кого и возникает потребность в «театре для себя», то незачем его называть всем и каждому.

И. ПАУКОВ,
искусствовед.